

престарелым, ухаживать за садами и парками. Можно создать группу для улучшения местных библиотек, по охране исторических мест в микрорайоне, для поисков средств лечения СПИДа или других болезней. В соответствии со своим профилем такие организации приучают граждан брать на себя ответственность за свою жизнь и жизнь своих соседей и конструктивно участвовать в профессиональной и общественной деятельности.

Участвуя в различных ассоциациях и общественных организациях, граждане также получают демократическое образование. Они узнают из первых рук о роли частных ассоциаций в условиях демократии и являются свидетелями того, как сам демократический процесс осуществляется внутри таких организаций в процессе управления ими.

Ситуация, в которой очутились правительства новых демократических стран, весьма напоминает положение Японии и Германии после второй мировой войны. Необходимость пересмотреть формы управления народным образованием, открыть для всех доступ к качественному образованию, усовершенствовать подготовку учителей, отказаться от политизированных учебных программ и методов преподавания — таковы общие заботы стран, приходящих в себя после многолетнего подавления свобод. Япония и Германия доказали, что обучение демократии возможно в национальном масштабе. Явное преимущество новых демократических стран заключается в том, что они сами добровольно избрали демократический путь развития. Будущее реформ в их собственных руках.

Это не означает, что успех придет сам собой. Обучение демократии — это не пустяковый ремонт на скорую руку. Для того, чтобы создать высококачественную образовательную инфраструктуру и учебные планы, потребуются большие усилия и подлинная приверженность делу и со стороны правительства, и со стороны граждан.

Обучать демократии нужно всегда и независимо от того, насколько успешно страна продвигается по пути демократического развития. Чем дольше существует демократия в данной стране, тем больше риск, что граждане будут рассматривать ее принципы, институты и блага, как нечто само собой разумеющееся. Возможно, не так уж далек тот день, когда более зрелые демократические страны еще будут учиться опыту тех стран, где демократия сегодня только устанавливается.

Ж. Ч. Тегизбекова

КАЛЫМ И ПРИДАНОЕ ПО НОРМАМ ОБЫЧНОГО ПРАВА КЫРГЫЗОВ

Калым и приданое (сеп) у кыргызов являются основными и важными аспектами брачно-семейных правоотношений.

На сегодняшний день в Кыргызстане условия брака регулируются законодательством страны, однако, заключение брака согласно нормам кыргызского адата до сих пор остается актуальным. Конечно, бесспорно, древние кыргызские обычаи ослабли, и предстают в ином ракурсе в соотношении с экономическим развитием общества, но говорить о «вымирании» обычных норм среди кыргызов невозможно. «Некоторые из традиций и обычаев кочевых кыргызских племен остались в далеком прошлом, сохранившись лишь в памяти народной (в преданиях и эпосах), другие в неизменном или же трансформированном виде продолжают бытовать среди киргизов и поныне» [1, 7]. Так, к примеру, положения калыма и сеп и по сей день являются действующими нормами при заключении брака между кыргызами, однако уплата калыма женихом родителям невесты является как дань кыргызским традициям и обычаем, нежели средство обогащения, как было ранее в кыргызском обществе.

Рассмотрим первоначально общие положения калыма (выкуп за невесту).

Кисляков Н.Л., рассматривая калым как институт имущественного права, отмечал, что калым в семейно-брачных отношениях имеет достаточно важное значение [2, 66]. Так, калымный брак являлся основной формой брака по нормам обычного права кыргызов - адату. В связи с существующей ранее родовой общиной у кыргызов, необходимо указать, что калым ранее уплачивался не только семье невесты, а всей родовой группе, к которой она

принадлежала, и только позднее, в связи с изменением патриархально-феодальных отношений, семье девушки, и затем только - ее отцу. Данному вопросу уделяют мало внимания, хотя его изучение предоставляет возможность понять генезис калыма. Обычай "собрания" калыма группой родственников жениха был использован оформившейся родоплеменной, а затем и феодальной знатью в качестве формы собрания дани с зависимого населения в целях преподнесения ее в качестве богатого свадебного дара знатым родственникам невесты [3, 233].

Каждый родственник считал своей обязанностью помочь отцу жениха в уплате калыма и помогал в меру своих возможностей: «сородичи жениха неоднократно собираются вместе для определения их материальной помощи в уплате калыма» [4, 234]. Лишь после уплаты большей части калыма и обмена подарками между сторонами будущих супругов, жених имел право посетить аил невесты и впервые на нее взглянуть [5, 36]. Адат устанавливал, что в уплате калыма должен участвовать не только отец жениха, но и члены его семейно-родственной группы, так же как и полученный калым в значительной своей части поступал членам семейно-родственной группы невесты [6,3]. «По обычаю в уплате калыма должны помогать жениху его родственники и, если бы он был настолько состоятелен, что сам мог бы уплатить калым, он все-таки просит помощи, потому что ранее сам помогал родным и знает, что будет помогать после, а потому случаем своей женитьбы пользуется, чтобы вернуть то, что сам израсходовал на помощь» [7, 1].

“Брак покупкой”, как его называет С.Абрамзон [3, 234], существовал у тюркоязычных народов еще до принятия ислама. Затем мусульманскими идеологами калымный брак был закреплен как разновидность покупного. Калым у кыргызов стал выполнять ту же роль, что и уплата махра у арабов [8, 146]. Брак считался юридическим состоявшимся после уплаты калыма. Договор о браке заключался родителями. Так, к примеру, в кыргызском эпосе «Манас» Атемир просит за свою дочь у Джакыпа, отца Манаса калым в 500 лошадей, 60 верблюдов, 200 коров, 2000 баранов и 40 тысяч деньгами [1, 19].

Однако по поводу существования такого феномена как калым, интересна точка зрения С.Полякова, который полностью критикует взгляды вышеуказанных и других советских авторов, считая неправильным рассмотрение калыма как элемента феодально-патриархальных отношений [9, 54]. В своей работе он пишет: «генезис этого явления, по существу, такой же, как и у работорговли. Не вдаваясь в анализ научных дискуссий исследователей по поводу калыма XVIII века, я хотел бы отметить, что никто из них не может объяснить, почему это уродливое явление до сих пор продолжается. Неправильно определить калым как "пережиток ранних социальных отношений", как делают многие советские источники. Калым развивается, а его размеры растут. Калым можно рассматривать как "опасная национальная традиция", он не имеет национальных границ. По сути, это социальное явление» [9, 54]. Далее С.Поляков отмечает, что «как и другие такие "пережитки", калым сделали священной традицией. Пресса, и очень небольшое число научных и популярных работ, которые в той или иной форме упоминают о сохранении традиции калыма (и никто из них не подвергался серьезной критике), все не в состоянии раскрыть главный вопрос, который имеет много общего с экономической целесообразностью. В лучшем случае есть своего рода бессмысленные думы о том, как это тяжело для семьи жениха, чтобы накопить калым. Уплата калыма в самом начале существования новой семьи, уже создает целый ряд чрезвычайно негативных явлений и служит не только для стабилизации традиционализма, но даже для ее укрепления. Калым деградирует общество в целом» [9, 57]. Точка зрения С.Полякова, на наш взгляд, отражает реальную действительность, однако не учитывает традиционные аспекты кыргызского; возможно размеры калыма, на самом деле, были и есть пугающими, и это надо пресекать, но абсолютно искоренить данный институт невозможно, поскольку эта действующая веками норма обычного права среди кыргызского народа.

В состав калыма у киргизов входил главным образом скот. У богатых скотоводов он исчислялся часто девятками (*тогуз*). «По поводу размеров калыма у киргизов данные

настолько разноречивы, что их трудно свести к каким-то определенным величинам», - указывал С.М. Абрамзон [3, 235].

Размер калыма зависел от многих обстоятельств, во внимание принимались социальное и имущественное положение обеих сторон, личные качества невесты, и т.д.: размер калыма «зависел от богатства, характера отца невесты и от качества того имущества, которое приготовлено в приданое» [10, 41].

Однако независимо от размера калыма в бедных кыргызских семьях его уплата приводила до грани разорения. Лишь помощь близких состоятельных родственников и растягивание сроков уплаты калыма давали возможность кыргызу жениться. «Одну жену имеют только самые бедные киргизы. Для них уплата калыма настолько тяжелое дело, что вторичная уплата (в случае смерти первой жены) не всегда оказывается под силу», - отмечал П.Кушнер [11, 69]. Так, в архивном источнике по Прииссыккулю отмечалось: «...как калым у богатых достигает по стоимости нескольких тысяч рублей, так зачастую у бедняков он состоит из девяти вещей, начиная с жалкой лошадки и кончаясь куском сартовской бязи» [12, 27].

Главным образом, калым имел натуральный характер. Состав же калым изменялся в зависимости от изменений в социальном отношении и в характере хозяйства. До присоединения Кыргызстана в состав России состав калыма у богатых, наряду с крупным скотом, входили также рабы [13, 28]. Начиная со второй половины XIX века, кыргызы платили калым крупным и мелким скотом, в связи с тем, что основной отраслью хозяйства было скотоводство. Так, например, в начале XX века в Иссык-Кульской области чон бай (большой калым) составлял 100 голов крупного скота (лошади, коровы, верблюды), которых считали девятками (тогуз), и 1000 баранов. Средний калым – орто насчитывал 50 голов крупного скота и 100 баранов. Айак или бедный калым – 25 голов крупного скота и 50 баранов [1, 19]. Более позднее, примерно в конце XIX – начале XX вв., в период широкого развития земледелия, в состав калыма добавляли и зерно. С дальнейшим развитием товарно-денежных отношений, хотя в относительно редких случаях, в состав калыма входили и деньги [14, 4]. К примеру, у хакасов в состав калыма входил главным образом скот, но, начиная с XIX в., калым стал выплачиваться и деньгами [15, 93].

В состав калыма обязательно должна была входить лошадь - *баи ат* (т.е. за голову невесты). *Баи ат* при внесении калыма считался настолько обязательной его частью, что о нем даже обычно не упоминали, считая само собой разумеющимся [16, 2].

У кыргызов калым мог быть определенный или неопределенный. Калым определенного размера был распространен среди бедного населения и людей со средним достатком, причем это имело место в том случае, когда сватовство начиналось по достижению брачующихся определенного возраста. Неопределенный калым практиковался у богатых кыргызов, когда будущие супруги еще были в малолетнем возрасте: «у богатых кыргызов нельзя уговариваться о величине калыма, это делают только бедняки» [11, 76].

Размеры калыма определяли родители, однако если родители не могли договориться о размере калыма, то вопрос передавали на решение доверителей. «Кара-киргизы при сватовстве не определяют количество калыма, они дают сначала 2-3 головы скота, а потом ежедневно по 1-2 головы». Однако, были случаи, когда отец жениха заявлял: «малым жетти, малым жетпесе кунум жетти, кызды бер, балам да чонойду, сенин кызын да чонойду (мое имущество истощилось, а если не имущество, то, по крайней мере, мои дни истощились; дай девицу – и мой сын взрослый, и твоя дочь взрослая)» [17, 61-62]. Неопределенный же калым не обсуждался. Родители жениха платили сначала без счета. Переговоры о размерах и составе калыма, обычно проводились во время сватовства или же сразу после него.

Поступал калым непосредственно в распоряжение отца невесты, затем сливался с остальным имуществом и переходил после его смерти его наследникам, как и все имущество. Сама же невеста не могла претендовать ни на какую часть калыма.

Жених мог ежегодно вносить калым частями. Невеста же ждала окончательной его уплаты, если же жених не был в состоянии уплатить весь калым, тогда ему или прощали оставшуюся часть и выдавали дочь, либо же прочили за него другую – помоложе, которая

могла еще подождать, а старшую выдавали за другого. В крайнем случае, родители невесты выдавали жениху обратно то, что от него было получено. Хотя на практике такие случаи были весьма редки. Так, в заявлении по иску о возврате калыма говорится, что некий Шамбет Кадыков в 1916 году от имени своего брата сделал предложение дочери Будака Бокомбаева, жителя аила №3 Каракаининской волости. В счет калыма он отдал Б.Бокомбаеву 17 коров и 4 лошади. Но Будак, взяв калым от Шамбета Кыдыкова выдал свою дочь замуж за другого, получив от последнего в виде калыма 20 баранов, 2 коровы с телками и 1 лошадь [18, 26]. В деле Усубалы Таласпаева о возврате калыма говорилось: «Я, Усубалы Таласпаев, засватал за своего сына сестру граждан Канаевской волости Какчаке Давлеткалдиевой и Орозалы Уметалина по имени Кулсун. При этом братья Кулсун взяли с меня за свою сестру калым в количестве 11 голов крупного рогатого скота и 1000 рублей старыми деньгами еще в 1915 гду. Братья продали ее за другого, а мне возвращают забранный калым» [19, 5].

После уплаты калыма, в случае смерти жениха невеста переходила к одному из его братьев, близкому родственнику (левират), а в случае смерти невесты за жениха отдавали ее младшую сестру (сорорат) [20, 238].

Исследуя источники обычного права кыргызов относительно калыма, то необходимо отметить, что почти в каждом Эреже – письменном источнике адата - рассматривались случаи при уплате или возвращении калыма. Так, к примеру, Эреже Пишпекского чрезвычайного съезда биев от 1884 года 6 марта устанавливало: «Если кто увезет засватанную девицу, тогда старому жениху должен заплатить скот, который им был уплачен в калым и родители увезенной девицы должны получить от верблюда девять скотин, если взятый калым не в состоянии будут возвратить, тогда должен возвратить девицу и одного верблюда и восемь скотин, если кто увезет незасватанную девицу, должен платить калым одного верблюда и двадцать пять скотин» [21, 423]. «Если похитит жених свою невесту и по своему благосостоянию окажется не в состоянии выплатить калым в установленные сроки, то должен перед судом, переговорив с тестем, войти с последним в согласие», - указывалось в Эреже чрезвычайного съезда Атбашинского участка биев 1905 года 18 сентября [22, 33].

Необходимо отметить, что калым существовал не только в Центральной Азии, где семейно-брачные отношения строились на основании патриархально-феодалного уклада, но и в Российской империи: «на существование калыма указывали свадебные песни нижегородских, калужских и других крестьян, например: Торгуйся, торгуйся, братец, Не отдавай меня дешево, Проси за меня сто рублей, За мою косинку тысячу, За мою красу - сметы нет» [23, IX-X]. Калым в разных уголках России принимала различные формы. К примеру, В. Танаевский так описывает плату за невесту в Великороссии: «В разных местах она различно называется: запрос, принос, выкуп, принос, ссуда и даже калым» [24, 5,6]. В 80-90-х годах XIX века после переселения русских в Кыргызстан, выплата калыма за невесту наблюдалась и у них. В.И. Вербицкий писал, что калым у алтайцев большей частью составлял скот (*мал*), а также ценные меха (у теленгитов, например, шкурки выдры, соболя), ткани, серебро, чай и прочее. Относительно размера калыма у якутов, С.А. Токарев отмечал, что калым, согласно обычаю, состоял из разных видов скота по равному количеству голов каждого вида.

Большинство исследователи и ученых своих трудах, посвященных брачно-семейным отношениям народам, у которых существовал обычай калыма, приходили к выводу, что размер калыма был разнообразным в зависимости от ряда обстоятельств, но все сходятся в целом, что калым требовал достаточно больших расходов.

Родственные связи очень ярко выражались непосредственно при уплате калыма, поскольку в сборе калыма участвовали порой все сородчи и родственники отца жениха. Приготовление и уплата калыма становились делом всей родственной группы, во время приготовления калыма отец жениха обходил своих родственников и просил у них помощи, каждый родственник помогал как мог (кошумча), хотя, конечно, наиболее существенный расходы нес отец жениха. Следовательно, женитьба или выдача замуж одного из членов семьи или рода было делом целой общины.

В свою очередь, родственники невесты помогали составлять ее приданое – «сеп». Так, одной из обязанностей родителей было подготовка приданного для просватанной дочери, которое состояло из различного имущества, и которое она должна была забрать в дом мужа. А.И. Козлов в своем исследовании писал, что «после уплаты калыма родители невесты обязаны выдать немедленно ее жениху вместе с приданным» [20, 237]. В подготовке приданого кроме самих родителей невесты обязательно участвовали ее родственники. Так, полученный родителями невесты калым в виде скота в период сватовства считался общим для всех ее родственников, то отец невесты обязательно делился скотом со всеми близкими родственниками. В свою очередь, каждый родственник, кому был выделен скот из привезенного стороной жениха калыма, обязан был участвовать в подготовке необходимого невесте имущества.

Приданое невесты, в отличие от калыма, готовилось с самого ее рождения. Размеры сеп не определялись кыргызским адатом и не обуславливались никакими договорами между сторонами жениха и невесты, а полностью зависели от желания и воли родителей. Хотя размер и состав приданного не должен был зависеть от размера и состава калыма, но в определенной мере соответствие между приданным и калымом все-таки соблюдалось и стоимость приданого была лишь немногим ниже стоимости калыма. Считается, что калым выступал в качестве материальной основы для подготовки приданого. «Богатые родители снабжали раньше свою дочь не только одеждой и домашними вещами, но давали в приданое и юрту, а также и лошадь, на которой она отправлялась в дом своего мужа» [3, 236]. В бедных семьях в приданое не давали «ни кибитки, ни подъемного скота, и новобрачные отправлялись пешком» [17, 84].

Согласно архивным данным: «приданое — *киит* должно быть меньше калыма, потому что девушке по выходе замуж, спустя от одного до трех лет, выдается ее выдел — *энчи*, который вместе с *киитом* должен бы уравновешивать калым. В среде достаточных людей *киит* всегда дается щедро и зачастую вместе с *энчи* он далеко превышает калым... большинство, масса народа, за дочерью не дает большого приданого... Даже *энчи* в массе народа никогда не дополнит *киита* до стоимости калыма... Размер *киита*, состоящего обыкновенно из разного рода одежды, нарядов, ковров, кошом, принадлежностей хозяйства и денег (но не скота, который если и дается, то весьма редко и в ограниченном количестве), всегда соразмеряется с размером калыма, но всегда меньше его... *Энчи*, состоящий главным образом из разного рода скота... дополняет *киит*, чтобы сделать соответственным по стоимости калыма. При сватовстве об *энчи* не упоминают, полагаясь на совесть родителей. Несмотря на то, что по обычному праву *киит* и *энчи* должны уравновешивать стоимость калыма, а через это как бы облагородить способ женитьбы при пособии калыма, в большинстве случаев *киит* вместе с *энчи* далеко не равны калыму» [25, 8].

Количество приданого являлось частным делом семьи невесты; семья жениха лишь полагается, что сторона невесты подарит своей дочери дорогой сеп. Также в состав сеп входил традиционный сундук (сандык), в котором была новая одежда невесты, а поверх него традиционные одеяла (жер тошоки, ала кийиз и др.) Размер приданного, зависел от воли ее родителей, и оно поступало не в собственность выдаваемой замуж, а в собственность мужа или свекра, если женившийся не был отделен. Исключение из приданного составляло только головной убор - шокуло, которое всегда признавалось собственностью жены. Из этого следует, что жена по отношению к своему приданому имела право владения и пользования, однако право распоряжения полностью принадлежало ее мужу. Однако необходимо отметить одно важное положение: приданое все-таки предоставляло женщине определенные имущественные права. Если в случае развода по вине или воли мужа, муж обязан был возвратить ей все приданое и женщина получала имущественную самостоятельность, в связи с чем можно заключить, что приданое все-таки являлось личным имуществом жены, на которое она имела ограниченные права при совместном проживании с супругом. Об этом также говорят нормы Эреже. В статье 38 Эреже Токмакского чрезвычайного съезда от 1893 года предусматривалось, что при неспособности мужа к супружескому сожительству жене

дается развод, причем она удерживает за собою *приданое*, а мужу предоставляется право искать калым [21, 442].

В случае смерти жены сеп переходил по наследству к ее детям. В случае бездетности сеп обычно возвращался к родителям женщины.

Согласно вышесказанному, и проанализировав рассмотренные материалы, можно сделать следующие выводы.

При заключении брака две семьи заключали договор, при котором каждая из сторон обязана была делать взаимные подарки в виде калыма – со стороны жениха, и в виде сеп – со стороны невесты, тем самым скрепляя союз семей. Такой свадебный дарообмен должен был, по замыслу адата, способствовать установлению тесных и добрых отношений между роднившимися путем брака сторонами.

Калым предоставлялся стороной жениха в пользу отца невесты, который распоряжался им совершенно бесконтрольно. Размер калыма был разнообразным и зависел от ряда обстоятельств.

Приданое также играло существенную роль при заключении брака, которое готовилось родителями девушки и состояло из скота, и одежды и домашней утвари. Природа сеп как элемента имущественного права была очень сложна, поскольку фе-юре привезенный женой сеп принадлежал мужу, как основному собственнику семейного имущества, но де-факто муж не имел право им распоряжаться по своему усмотрению, поскольку данное имущество принадлежало жене в качестве ее личной собственности.

Положение калыма и сегодня применяется на практике при заключении брака между кыргызами, хотя сам факт уплаты калыма не регулируется нормами законодательства. Среди кыргызского населения уплата калыма женихом родителям невесты является как бы *обязательным подарком* родителям невесты. Если же жених не преподносит калым, обычно сторона невесты не готовит для невесты приданного - сеп, однако, такие случаи, все-таки, остаются в меньшинстве, поскольку не преподнесение калыма порицается, и сегодня, общественным мнением, тем самым принижая сторону жениха. В настоящее время калым исчисляется в денежном эквиваленте, который в зависимости от региона Кыргызстана различен.

Однако в связи с тем, что данный институт обычного права не регулируется законодательством, то на практике при бракоразводных процессах возникают достаточное количество правовых коллизий. При разводе сторона мужа не может потребовать возвращения калыма, поскольку по нормам закона уплата калыма рассматривается как факт дарения; в связи с чем при разводе муж не имеет права требовать возвращения калыма, ссылаясь на то, что уплата калыма по существующему адату это одно из условий заключения брака.

Сегодня правовой статус приданого также является актуальным вопросом, поскольку практика показывает, что бывают случаи, когда привезенное в качестве дара от родителей невесты имущество делится между родственниками мужа, тем самым нарушая личные права новой семьи. В большинстве случаев имуществом из сеп начинают распоряжаться новоявленные родственники со стороны мужа, в частности свекрови - кайн-эне, хотя, на наш взгляд, единственным собственником этого имущества должна быть только жена. В случае же развода жена имеет трудности по возвращению своего приданного, поскольку сеп дарится уже после официальной регистрации брака, либо же в период совместной жизни супругов, то данное имущество рассматривается уже как совместное имущество супругов, в связи, с чем возникают коллизии между нормами закона и нормами адата. При разводах женщине порой тяжело доказать факт того, что имущество из приданного принадлежит только ей.

Согласно вышесказанному, на наш взгляд, необходимо обычно-правовое обобщение практики использования обычаев и традиций по поводу калыма для возможности использования ее в судебных процессах по вопросам, возникающим в связи с возвращением калыма стороне мужа, а также по поводу приданого как личного имущества жены.

2. Кисляков Н.Л. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. - Л., 1969. - 131 с.
3. Абрамзон С. М. Кыргызы и их этногенетические и историко- культурные связи. - Ф.: 1990. - 480 с.
4. Старинычев И. Д. Формы заключения брака у турецких племен Сибири и у кочевников Средней Азии. Сб. МАЭ. т. IX, Л., 1930.
5. Жумагулов А. Семья и брак у кыргызов Чуйской долины.—Фрунзе, 1960. – 96 с.
6. И. Аничков. К вопросу о калыме. В кн.: Очерки народной жизни Северного Туркестана. Ташкент, 1899.
7. ЦГИА КазССР, ф. 64, л. 1. д. 5089, разд. V. Семья, § 7.
8. Вагабов М. В. Ислам и семья. - М., 1980.
9. Sergei P.Polyakov. Everyday Islam: Religion and Tradition in Rural Central Asia. –N.Y., 1992.
10. Загряжский Г. Кара-киргизы, 1874, № 41.
11. Кушнер П. Горная Киргизия (социологическая разведка). М.:1929.
12. ЦГИА КазССР, ф. 64. оп. 1, д. 4236, л. 27.
13. Талызин А. Пишпекский уезд. Исторический очерк (1853-1868). Памятная книга семиреченской обл. стат. Комитета. – Верный, 1893.
14. ЦГА Кирг. ССР, ф.255, оп.1, д.5.л.4.
15. Бутанаев В.Я. Социально-экономическая история хакасского аала (конец XIX - начало XX в.). Абакан, 1987.
16. Потапов Л.П. Из истории ранних форм семьи и религиозных представлений // СЭ. 1959. № 2.
17. Гродеков Н. И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Т. I (Юридический быт). – Ташкент, 1889. – 503 с.
18. ЦГА Кирг. ССР, ф.258, оп.1, д.26.
19. ЦГА Кирг. ССР, ф.255, оп.1, д.5.
20. Козлов И.А. Обычное право киргизов, 1882. Материалы по казахскому обычному праву. Сборник I, - Алматы, 1948. – 360с.
21. Борубашов Б.И. Хрестоматия по истории государства и права Кыргызстана. – Т.1. - Бишкек, 2008. - 657с.
22. ЦГИАЛ СССР, ф.1396, оп.1, 1907-1908 гг., д.400, л.33 об.
23. См. Смирнов А. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. Юридический вестник, 1877, кн. IX—X.
24. Танаевский В. Статья «Покупка жень», Газета Вятская жизнь, 1923. - №5-6.
25. Обычное право кара-киргиз Иссык-Кульского уезда. ЦГИА КазССР. ф. 64, оп. 1, д. 4236, лл. 8. 23 об., 33 об.—34 об.

This article is devoted to the research of Kyrgyz customary law in the sphere of marriage and family relations. The questions of bride price and dowry are considered as important elements of family customary law.

Айтылмыш мақала кыргыз әдеттегі құқығына ара шенбер некелік-отбасылық қатынастардың арнаулы. Жұмыста қалың мал және жасау сияқты отбасылық құқығының маңызды элементтері қарастырылады.

Г. Турысбекова

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИН ПО ТРАДИЦИОННОМУ ОБЫЧНОМУ ПРАВУ У КИРГИЗОВ, УЗБЕКОВ, КАВКАЗСКИХ НАРОДОВ

Известно, что каждый человек занимает несколько позиций в обществе. Например, женщина может быть учительницей, женой и матерью. Каждая из этих социальных позиций и называется статусом. Хотя человек может иметь ряд правовых статусов, один из них, который можно назвать главным статусом, определяет его общественное, социальное и правовое положение. Социальный статус определяется функциями индивида в обществе, его правами и обязанностями по отношению к другим участникам социального взаимодействия и возникающих общественных отношений. Важно различать прирожденный (или как его еще называют предписанный) социальный статус, обусловленный полом, этническим и социальным происхождением, и достигнутый статус, приобретенный за счет личных способностей человека. Общественный статус может сочетать в себе предписанные и достигнутые элементы. Например, предписанный статус вдовы определяется ее